

Алексей
Малашенко

КАК ВЫБИРАЛИ В ЧЕЧНЕ

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР КАРНЕГИ
Carnegie Endowment for International Peace

Москва
2006

УДК 324
ББК 66.3(2)
М18

Издание осуществляется на средства некоммерческой неправительственной исследовательской организации — Фонда Карнеги за Международный Мир при финансовой поддержке благотворительного фонда Carnegie Corporation of New York. В соответствии с условиями предоставления грантов издание распространяется бесплатно.

В издании отражены личные взгляды автора, которые не должны рассматриваться как точка зрения Фонда Карнеги за Международный Мир или Московского Центра Карнеги.

Электронные версии всех публикаций Московского Центра Карнеги:
<http://www.carnegie.ru/ru/pubs>.

Об авторе

Алексей Всеволодович Малашенко — доктор исторических наук, член научного совета Московского Центра Карнеги, сопредседатель программы «Религия, общество и безопасность».

Малашенко А.

М18 Как выбирали в Чечне / Алексей Малашенко ; Моск. Центр Карнеги. — М., 2006. — 58 с.
ISBN 5–86280–035–2

Автор, очевидец чеченских выборов 1997, 2003, 2004 и 2005 гг., как бы перечитывает свои интервью и публикации, появившиеся тогда под свежими впечатлениями, с позиций сегодняшнего дня.

УДК 324
ББК 66.3(2)

Одни говорят, что можно получить четкое представление о ситуации в конфликтном (да и не только) регионе, лишь регулярно там бывая. Другие полагают, что уяснить смысл событий можно и на расстоянии, анализируя поступающую информацию (да оно и безопаснее). Наверное, истина, как всегда, посредине. Но, честно говоря, даже лежащую посредине истину найти непросто. И уж совсем трудно быть полностью объективным, стремясь постичь суть чеченского конфликта, — уйти и от политизированности в его восприятии, и от эмоций.

Судьба сложилась так, что мне довелось побывать на четырех чеченских выборах: президентских 1997, 2003, 2004 гг. и парламентских 2005 г. И всякий раз по возвращении я пытался честно разобраться в том, что происходит в республике. Были статьи, интервью, брифинги Московского Центра Карнеги. По прошествии некоторого времени, через девять лет после избрания президентом Аслана Масхадова и спустя несколько месяцев после выборов в чеченский парламент любопытно и полезно заглянуть в недавнее прошлое, посмотреть, что сбылось и не сбылось. Ибо, забыв историю, пусть и совсем еще близкую, очень трудно ориентироваться в настоящем и невозможно предвидеть будущее.

Ниже публикуются одно небольшое, зато весьма показательное интервью и три изданных в Центре Карнеги брифинга. Их текст сопровождают небольшие комментарии, которые, думается, позволят лучше разобраться в соответствующих конкретных ситуациях, с гордостью подтвердить правильность одних оценок, и — это самое интересное — отметить другие, где были допущены ошибки.

Итак, 1997 г., президентские выборы, приведшие к победе Аслана Масхадова. Короткое интервью, данное 31 января сотруднику «Независимой газеты» знатоку Кавказа Алану Касаеву.

РУССКИЕ ГОЛОСОВАЛИ ЗА МЕНЬШЕЕ ЗЛО

Алан Касаев. Каковы были ваши функции во время чеченских выборов?

Алексей Малашенко. Это были функции наблюдателя. Я представлял Федерацию мира и согласия, которая имеет консультативный статус в ООН.

А. К. Что вы можете сказать о ходе голосования?

А. М. Я бы разделил голосование на два момента. Первый, чисто эмоциональный: я был поражен той внутренней энергией, которая была у всех голосовавших, и у чеченцев, и у русских, той жаждой проголосовать и радостью, что наконец-то это произошло. Было ощущение, что со дня выборов начинается новая история Чечни. Что касается организации, то в разрушенном городе были созданы избирательные участки, избирательные комиссии, которые достаточно четко работали. В тех условиях это было сделано очень хорошо. Ошибок, конечно же, было немало. Скажем, урны одноразового пользования не всегда были правильно оформлены, не были заклеены. На одном-двух участках, где мы были, возникла проблема дополнительных списков для людей, которые появились уже после того, как члены избирательной комиссии прошли по домам и собрали голоса тех, кто не смог прийти на участок.

Это были самые и открытые и самые честные выборы. Нас пускали куда угодно, предлагали присутствовать на выемке бюллетеней, угваривали беседовать с членами участковых комиссий, с людьми на улицах. «Какой-то разгул демократии», — сказал коллега, также бывший наблюдателем. Очень многие говорили: выберем Масхадова, помирится с Россией, Масхадов — это Россия, Масхадов — это мир.

Подчеркиваю, это мнение «людей с улицы». Слово «независимость», конечно, звучало, но лично у меня сложилось впечатление, что это была некая дань ситуации. В одном доме, куда нас пригласили на ужин, пили и пели русские и украинские песни.

Однажды возникла прелюбопытная ситуация. Мы ехали на какое-то мероприятие, а может, и просто на ужин. Трое сидевших в машине чеченцев рассуждали о независимости. Вскоре двое вышли по делу, оставшийся в кабине вдруг обратился ко мне со словами: «Какая независимость, ну что болтают...». В тот вечер эту мысль повторили и другие мои спутники, естественно, когда рядом не было их приятелей.

Голосовали часто по принципу национальной принадлежности (если ты чеченец, это записано в твоём паспорте, откуда бы ты ни приехал, все равно имеешь право голосовать). Возникали разные рассуждения: законно ли это или незаконно. Это можно было бы списать на уникальность самого события, которое прошло в Чечне сразу после войны. С моей точки зрения, это не совсем правильно.

В 2004 г. голосовать вообще могли все, кто хочет, что и проделал на моих глазах корреспондент «Коммерсанта», предъявив свой московский паспорт. Предлагали проголосовать и мне. «Какая разница, — сказал один из наблюдателей. — Все равно посчитают, как надо».

Я был удивлен большим количеством русских на избирательных участках. Члены одной из избирательных комиссий на 60% были русские.

А. К. По вашим наблюдениям, за кого голосовали русские?

А. М. За Масхадова. Примерно треть русских боялась высказывать нам свое мнение, а две трети совершенно открыто говорили, что выбирают только Масхадова.

К нам подходили на улице русские, практически все — старики. И говорили о том, как спасали их чеченцы во время войны. Грешным делом, я даже подумал, что эти случайные встречи срежиссированы. Оказалось, нет. Мне часто приходится беседовать с русскими в бывших советских республиках. И всегда это очень грустные разговоры. Но тогда в разрушенном холодном Грозном русские старики не столько

жаловались, сколько надеялись, что при Масхадове «хуже не будет». Кстати, название интервью — «Русские голосовали за меньшее зло» — не мое. Его «повесил» Алан Касаев.

Конечно, мои наблюдения субъективны. Я много читал о том, как обошлись с русскими в Чечне, и все это правда. Но те случайные разговоры в 1997 г. производили сильное впечатление.

Когда я туда ехал, то было ощущение, что будет почти равная борьба, во всяком случае Басаев может быть реальным конкурентом. Но даже по количеству бюллетеней, которые мы увидели по завершении выборов, был явно перевес Масхадова. Те бюллетени, которые были поданы за Масхадова на одном из участков, при подсчете занимали два стула, за Басаева — один стул, не говоря об остальных.

Аслан Масхадов получил свои немалые 59,3%, 23,5% собрал Шамиль Басаев, 10,1% — Зелимхан Яндарбиев. Да, это были выборы. Интересно, сколько процентов собрал бы Басаев сегодня.

А. К. Как вы, специалист по исламу, оцениваете предвыборные программы различных кандидатов? Даже у Масхадова присутствовал тезис о строительстве государства с исламской спецификой. Какова реальность претворения такого рода пожеланий в жизнь?

А. М. Я слушал по «Эху Москвы» комментарий Черкизова. Он сказал, что шариат и ислам — ерунда. А я лично был удивлен, какое значение сейчас в Чечне придается исламу. Я уже не говорю о надписях «Исламский порядок», наклеенных от имени Удугова, но то, что совершенно светские люди, в том числе из диаспоры и входящие в высшие эшелоны власти, всячески подчеркивают, что в Чечне будет ислам, что его влияние будет возрастать, — это абсолютно точно. Я просто не хочу называть фамилии людей, с которыми я разговаривал, но это известные политики, никакие не фундаменталисты и не радикалы. Они говорят: «Ислам нам даст порядок, без ислама мы не сумеем стабилизировать ситуацию».

А. К. Вы можете предположить, во что это выльется в плане государственном? Будет ли выбран какой-то прецедент — иорданский, иранский или саудовский?

А. М. Я думаю, что это будет чеченский вариант, потому что там очень силен адат. Это будет некий синтетический ислам, но если раньше был упор на

адат, то теперь шариат, как минимум, сравнивается с обычным правом. В ближайшие месяцы, может быть, его значение возрастет, потому что в исламской религии присутствует консолидирующее нацию начало. Очень большое количество людей выступают за шариат, пусть в ограниченной форме. Выборы проводились в Рамадан. Я не хочу сказать, что пост держат все, но держат. Это заметно на улицах, мало кто курит, абсолютно нет пьяных. Там даже речи об этом быть не может.

Шариат не прошел. В конце 1990-х казалось, что у исламских радикалов возможности для этого были. В конце концов, Яндарбиев с Басаевым собрали почти треть голосов. Но все же подавляющее большинство чеченского общества против введения исламских норм. Возможности его исламизации (реисламизации) ограничены. Ислам так и остался в подавляющем большинстве случаев политическим инструментом, а как средство мобилизации людей он весьма ограничен. Джихад — куда ни шло. Но исламское государство не пройдет.

Замечу, что на Северном Кавказе есть общества, куда более расположенные к восприятию исламистских идей и склонные апеллировать к религии как к форме социального протеста.

Но сегодня ставленник Путина Рамзан Кадыров, премьер, которого Кремль готовит на пост президента Чечни, неожиданно стал инкорпорировать ислам в общественную и политическую жизнь республики. В 2005 г. рамзановский муфтий Султан Мирзаев объявил джихад сепаратистам, были запрещены как несовместимые с исламскими нормами игорные заведения. В 2006 г. на Курбан-байрам Рамзан лично приобрел для принесения в жертву сразу трех верблюдов, которые были продемонстрированы не только по местным, но и по федеральным каналам. Наконец, он поддержал идею полигамии, которая должна укрепить чеченское общество, в котором женщин на 10% больше, чем мужчин.

Апелляция к исламу, по мнению Рамзана Кадырова и его команды, должна была способствовать росту авторитета и популярности вождя среди чеченцев, а также росту его авторитета как мусульманина на Ближнем Востоке, у действующих в Чечне международных исламских организаций. Думается, однако, что идея «перехвата» ислама у ради-

кальной оппозиции, уже давно и сравнительно успешно приспособившей к своей деятельности ислам, успеха не принесла, да и не принесет.

А. К. Каковы настроения тех русских, с кем вам довелось беседовать? Они собираются оставаться или уезжать?

А. М. Те русские, которых я видел, а их было много, говорят, что хотят остаться, что это их родина. Конечно, это можно комментировать. Все-таки русской молодежи там почти незаметно. Это люди около 40 лет и старше. Но отношение к прошедшим выборам у них в основном благожелательное.

Прошло семь с лишним лет после того интервью. В 1999 г. началась вторая чеченская война, официально поименованная «антитеррористической операцией». Потери федералов в ее ходе оказались не меньше, чем во время первой войны. Сколько погибло мирных жителей, никто толком и не считал. Президент Аслан Масхадов ушел в подполье. В 2002 г. закончился официальный срок его пребывания у власти. В 2003 г. тогдашний чеченский парламент (который называть парламентом можно лишь с большой долей условности) объявил ему импичмент.

В 2003 г., недолго думая, Владимир Путин назначил главой администрации Чеченской Республики Ахмада Кадырова, человека незаурядного, противоречивого, в которого президент России самозабвенно поверил чуть ли не с первого дня знакомства.

Ахмад-хаджи был тугодум, но уж если принимал какое-то решение, то выполнял его обстоятельно. Он действительно семь раз отмерял, и только потом уже резал. Мне почему-то кажется, что он не слишком хотел становиться главой администрации, видимо, сомневаясь в успехе этого весьма авантюрного предприятия. Однако предложение принял. На выборы 2003 г. Кадыров шел уже вполне осознанно, чувствуя за спиной полную поддержку российского президента, который чуть ли не собственноручно расчищал ему дорогу к победе.

Вернувшись с августовских выборов, я написал брифинг с ехидным, как казалось, названием:

ЧЕЧНЯ ДЛЯ ВНУТРЕННЕГО И ВНЕШНЕГО ПОТРЕБЛЕНИЯ

Брифинг Московского Центра Карнеги.

2003 г. Том 5. Выпуск 9—10. Сентябрь—октябрь

На октябрьских президентских выборах глава администрации Чеченской Республики Ахмад Кадыров, бывший с 1995 г. муфтием у сепаратистов, победил с почти туркменским результатом — при явке 87,7% избирателей 82,55% проголосовали «за». Результат был ожидаем, но столь высокий процент выглядит все-таки неприлично.

Прежде всего неясно, откуда в Чечне взялось так много избирателей. Даже если признать, в республике сегодня проживают свыше миллиона человек (на самом деле примерно 700 тыс.), все равно суммарный электорат в 561 тыс. человек (включая 30 тыс. военнослужащих) представляется завышенным.

Напомним далее, что в самый канун выборов три самых опасных оппонента Кадырова — депутат Госдумы Асламбек Аслаханов, предприниматели Малик Сайдуллаев и Хусейн Джабраилов были сняты с дистанции. Джабраилова взяли на испуг, Сайдуллаева извели мелочными придираками. Изящнее поступили с Аслахановым, которому было предложено стать помощником президента России (по Южному федеральному округу). От таких предложений не отказываются, тем более что в противном случае могли найтись (и нашлись бы) иные, менее гуманные способы воздействия.

Зачем такая убойная поддержка со стороны Москвы? Неужели российский президент сомневался, что преданный ему человек, будучи более трех лет безраздельным правителем Чечни, не сможет добиться поддержки населе-

ния? Или Путин подозревал, что оптимистические реляции подчиненных не совсем соответствовали истинному положению дел в Чечне? Не потому ли, что по результатам некоторых социологических опросов накануне выборов Кадыров шел лишь на третьем месте?

Так или иначе, но после кадыровских выборов 2003 г. чеченская диаспора «сошла с дистанции». Москва отказалась от ее услуг, и это стало принципиальным моментом чеченизации, который, увы, остался незамеченным ни в этом, ни в последующих написанных мною брифингах.

И хотя в победе бывшего муфтия были уверены 51% избирателей, говорить о всенародной любви к Кадырову не приходится.

Процесс восстановления Чечни идет, что называется, ни шатко ни валко. Внешне Грозный 2003-го практически ничем не отличается от Грозного 1996-го.

Это было одно из самых сильных потрясений. После завершения войны, точнее, двух войн, в столице ничего не изменилось. Попав туда в 1996 г. (до выборов Масхадова), я надолго сохранил ощущение нереальности происходившего вокруг и отсюда парадоксальную уверенность, что все это должно скоро кончиться. Хотя бы потому, что такого в нормальной стране не может быть. Увидев то же самое в 2003 г., я вздрогнул и... привык. Грозный стал для меня такой же нормой, какой он выглядел в глазах живших и приезжавших в него чеченцев.

В республике есть электричество (редкий случай, когда простые люди хвалят Чубайса), газ, но хуже с водой. Не решена проблема беженцев. Накануне выборов стала выплачиваться компенсация за уничтоженные жилье и имущество. Но получающие эту компенсацию должны делиться с ее распределителями.

«Финансовый интерес» проявляют не только чеченские, но и федеральные чиновники. Весной 2003 г. полномочный представитель президента в Южном федеральном округе Виктор Казанцев сказал, что в московских карманах осело 6 млн долл., ассигнованных на восстановление Чечни. Поговари-

вают, что из выделенных республике 148 млн долл. реально доходит до места не более 20%.

Непросто обстоит дело с амнистией. Прощенные боевики не складывают оружия, но зачастую поступают на службу в кадировскую милицию. Это дает им возможность сводить счеты с недругами, что они часто и делают.

Тогда это только начиналось. И никто, включая Путина, не мог представить, что спустя три года именно бывшие боевики будут контролировать власть в республике. Начавшееся в 2003 г. можно рассматривать как некую удивительную альтернативу европейским призывам вести переговоры с Масхадовым. Может быть, именно тогда кое-кто в Кремле понял, что любой диалог с ним и впрямь не имеет смысла, коль можно медленно перетягивать на свою сторону его (и Шамиля Басаева) соратников. Сторонники же диалога, в том числе автор этих строк, такого поворота дела не разглядели.

Все это вызывало удивление, а потом и раздражение у тех чеченцев, которые честно поддерживали Россию и вместе с ней противостояли сепаратистам.

Кадыров продолжает переговоры с очень влиятельным полевым командиром Гелаевым. Если удастся договориться, войско Кадырова пополнится наиболее отчаянными «лесными братьями» (кстати, примерно половину самых непримиримых врагов Кадырова ваххабитской ориентации составляют выходцы из Дагестана, а уж они-то будут драться до конца).

Ахмад-хаджи, как называют Кадырова, создал настоящую преторианскую гвардию, руководящие посты в которой занимают его родственники или преданные ему люди. Кадырова боятся. Боятся и его сына Рамзана, истории о котором напоминают легенды о знаменитых разбойниках времен освоения Дикого Запада.

Боятся и сам Кадыров. У него есть основания опасаться мести не только со стороны проклятых им ваххабитов, готовых наслат на него женщин-шахидок, но и многих обиженных им законопослушных граждан. По собственным словам Ахмад-хаджи, на него покушались уже десяток раз.

Накануне у меня с одним из моих чеченских друзей состоялся примечательный диалог:

— *До скорого, прилетай к нам на будущий год на следующие выборы.*

— *?*

— *Не жалец Кадыров. Точно не жалец.*

Конечно, у Кадырова надежная электоральная база в ряде мест, в том числе во втором городе Чечни — Гудермесе, где 19 октября прошла церемония инаугурации нового президента. Да и вообще значительная часть населения настроена опасливо-конформистски и боится обострять отношения с Москвой, голосуя против ее фаворита.

Тем не менее, чтобы не рисковать даже после избавления от основных конкурентов, сторонники Кадырова в Чечне действовали напролом. Формально главе администрации противостояло целых шесть оппонентов, но лишь один из них — Абдула Бугаев — мог хоть как-то притормозить его триумфальную поступь. И хотя безоглядые оптимисты в штабе этого кандидата поговаривали о возможности второго тура, шансы на такой исход приближались к нулю. Сам Бугаев, между прочим, в одном из интервью признал, что «вся предвыборная кампания подчинена решению одной задачи — провозглашению президентом Чеченской Республики Ахмада Кадырова».

Как эта задача решалась — отдельный разговор. Не говоря уже о множестве нарушений, оставшихся невидимыми для редких и робких наблюдателей, показательно, как подавался ход выборов местным, да и общероссийским телевидением. На экране выборы смотрелись праздником, сопровождалась танцами и даже свадьбами. По республиканскому телеканалу показали, как голосует за Кадырова глава правительства Чечни Анатолий Попов и как он тут же указывает перстом своим рядом стоящим министрам, как им следует голосовать (потом спохватились, что сие есть грубое нарушение, и больше эти кадры уже не повторяли). На экранах толпы счастливых грозненцев выстраивались в очереди к урнам, хотя сам Грозный в это время был пуст, в чем легко мог убедиться каждый, кто находился там в день выборов.

И все-таки было в тех выборах что-то авантюрно-оптимистическое. Люди понимали, что переиграть административный ресурс

нельзя, но вот показать свое «политическое я» — вполне можно. Выборный штаб Абдулы Бугаева работал на пределе возможностей. Энергия была через край. О победе в Горячеводской, где живет Абдула, не говорили. Самые отчаянные оптимисты мечтали о втором туре. Естественно, мечты эти оказались несбыточными. Но когда были оглашены предварительные результаты, особой трагедии в бугаевском штабе не чувствовалось. Все прошло в соответствии с московским планом. Иного и быть не могло.

Однако, несмотря на безоговорочную победу Кадырова, выборы не приведут к коренному улучшению ситуации в Чечне. И дело даже не в том, что они, как считает Аслан Масхадов, не повлияют на ход вооруженной борьбы (напротив, может, в какой-то мере и повлияют). Не приходится сомневаться, что они не остановят растущую волну недовольства новоиспеченным президентом. Раскол в чеченском обществе может даже усилиться.

Что касается раскола в чеченском обществе, продолжаю настаивать, что в отведенные Всевышним Кадырову месяцы, особенно в конце периода правления, что-то все-таки сдвинулось.

Вряд ли Кадыров не догадывается об этом. И скорее всего ему придется предпринять серьезные шаги по улучшению своего имиджа. В противном случае это приведет к дополнительным сложностям для Москвы, которая и так не слишком довольна тем, что ей пришлось принимать столь непосредственное участие в чеченской избирательной кампании.

Иногда возникает ощущение, что Ахмад-хаджи отрывается от реальности и все более верит в собственную незаменяемость, а значит, и в возможность самому давить на Кремль и даже выставлять федеральной власти свои условия. Во всяком случае, именно так выглядят некоторые его предложения по будущему устройству Чечни, которые кое-кто сравнивает с сепаратистскими претензиями времен покойного Джохара Дудаева.

Так оно и случилось. Вскоре после выборов в Чечне можно было услышать, что «этот Москве еще покажет». Готовившийся тогда договор о разграничении полномочий между Москвой и Грозным содержал явный крен в пользу Чечни. И в последующем со стороны кадыровцев эта тенденция продолжала нарастать.

Кто знает, не приведет ли все это к тому, что в Москве сочтут более уместным направить энергию Кадырова на решения иных (например, дипломатических) задач, но уже вдали от Чечни.

Так выглядят итоги выборов на локальном, собственно чеченском уровне.

Чечня и Россия

Следующий уровень — общероссийский. В отличие от 1999—2000 гг., когда Владимир Путин и те, кто стоял рядом с ним, сделали силовое разрешение чеченского конфликта одним из главных рычагов достижения электропального успеха, ныне Чечня оттеснена на периферию внутриволитической жизни. Российский истеблишмент время от времени высказывается по чеченскому вопросу, но по сути ничего не делает для его решения.

Общество не верит в возможность разрешения этого конфликта. Оно к нему привыкло и мало им интересуется. Даже московские теракты на Каширском шоссе и улице Гурьянова (1999 г.), на Пушкинской площади (2000 г.) и на Дубровке (2002 г.), в Тушине и на Тверской (2003 г.) оказались всего лишь камнями, упавшими в болото общероссийской апатии, круги по которому разбегались лишь две-четыре недели и слабо повлияли на состояние умов в обществе.

И все же чеченский кризис остается болью Кремля, если не сердечной, то уж во всяком случае зубной. Поэтому Путин вынужден еще раз войти в ту же реку. Теперь не как воитель, но как миротворец, создатель новой Чечни. Чтобы сделать это, он, подобно профессору Хиггинсу из «Пигмалиона» Бернарда Шоу, пытается воспитать из не приспособленного к светской жизни дудаевского муфтия элегантно, с кавказским шармом главу Чеченской Республики. В общем это ему пока удается. Вялому российскому обывателю продемонстрировали, что в мятежной республике есть свой «законно избранный», а некогда грозные боевики мало на что способны — сорвать выборы им уже не под силу. (Путин даже вывез свою «Элизу Дулиттл» накануне выборов на дипломатический раут в США.)

Заметим, что чеченская «карта» никак не разыгрывается российской оппозицией. Впрочем, сам термин «оппозиция» применительно к политикам,

время от времени критикующим Кремль, выглядит все более условно. Ни одна партия — «Единая Россия» не в счет — не послала своих людей на выборы, чтобы хоть одним глазком понаблюдать за тем, что там на самом деле происходит. Использовать Чечню как средство политического давления на президента никто не желает. И в самом деле — себе дороже.

Чеченские выборы и ситуация вокруг них отражают ставшую привычной тенденцию ускоренной авторитаризации путинского правления. В том же русле — «наезд» на ЮКОС, придушение (или удушение) СМИ, в особенности телевидения, а также появление на постсоветской Руси политэмигрантов.

Здесь уже ни добавить, ни убавить. Другое дело, что в 2003 г. были оптимисты, полагавшие, что эти тенденции не разовьются столь быстро в генеральную линию.

Нельзя игнорировать и тот факт, что чеченский конфликт используется в качестве раздражителя против «плохих» олигархов, и не только олигархов, а всех в разное время общавшихся с сепаратистами. На главную роль изменника «назначен» Борис Березовский (отнюдь не ангел). При желании круг виноватых легко расширяется. А если вспомнить, что во второй половине 90-х годов с Масхадовым и Басаевым не общался только ленивый, то число потенциальных врагов народа возрастает до бесконечности.

Сейчас много говорят о причинах де-демократизации. Называют амбициозность «ленинградских» (назвать их «питерскими» язык не поворачивается), историко-культурное прошлое Путина, междоусобицу финансовых «тузов»... Все это так. Но давайте скажем честно: эта тенденция есть совершенно естественный для российского общества «контрреволюционный» откат, которого следовало ожидать. Удивляться здесь нечему.

Уже никто давно ничему не удивляется. Но все-таки, согласитесь, обидно. Да и не знает пока никто, до какого дна доскребется в России эта жестко-авторитарная тенденция.

Задача же тех, кого можно назвать «здоровыми силами общества», состоит не просто в том, чтобы смягчить последствия этой тенденции, но и в том, чтобы попросту выжить. Звучит цинично, но не циничнее, чем недавние слова и дела президентского окружения.

Чеченские выборы — и следствие путинского отката, и его стимулятор. Разве не возникает кое у кого желания использовать удачный для федерального Центра чеченский эксперимент уже в общероссийских масштабах? Тем более что нечто подобное уже имело место на последних выборах Ельцина в 1996 г.

Помню, как после возвращения из Чечни на каком-то из семинаров на мою реплику о том, что «чеченские выборы были фальсифицированы», влиятельный кремлевский чиновник заметил: «У нас все выборы такие».

Как бы то ни было, затраченные Москвой на чеченские выборы усилия на российском внутривнутриполитическом уровне окупились и принесли пусть временные, но все же дивиденды.

Чечня и мир

В целом удовлетворительным для властей оказался результат чеченских выборов и на международном уровне.

История критики путинской политики в Чечне достойна отдельного повествования. Кремль осуждали и на Западе, и на Востоке (мусульманском, конечно). Здесь нет нужды приводить выдержки из многочисленных обвинений в нарушении прав человека, из требований политического решения конфликта. Все это столь же неинтересно, сколь и шедшая на грани фола полемика между занудливым докладчиком Парламентской ассамблеи Совета Европы лордом Джаддом и безапелляционным российским депутатом Дмитрием Рогозиным. Не то чтобы это была игра в поддавки, но финал их дискуссий всегда был очевиден. В математике такой итог называется результатом с нулевой суммой. Критикуя Россию преимущественно в международных организациях, европейцы устами своих национальных лидеров зачастую артикулируют осторожное понимание российских трудностей в Чечне, не говоря уже о солидарности с Москвой европейских чиновников самого разного уровня, порой откровенно выказывающих солидарность с борьбой Кремля против «мусульманского вызова». С этой точки зрения невыдачу российскому правосудию датским и британским судами обаятельного Ахмеда Закаева я бы не считал безупречным камертоном европейского восприятия чеченской проблемы.

Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе не послала своих наблюдателей на чеченские выборы, мотивируя это тем, что они-де все равно недемократичны, а присутствие Европы может их де-факто легитимировать. Допустим. Но на другой чаше весов оказалась невозможность для чеченцев противостоять многочисленным нарушениям, невозможность донести до мира собственное мнение. Возможно, ОБСЕ следовало в этой ситуации «поступиться принципами». В Чечне ее ждали, но так и не дождались.

В Европе морщатся от российских методов контртеррористической операции, но «Париж стоит мессы», а Грозный — московской лояльности Европе. Борьба за права человека не укладывается в рамки растущего раздражения перед «исламским фактором», все более заметным на улицах и площадях старого континента. Европа не может рассматривать чеченский конфликт вне контекста собственной озабоченности исламом. Это не высказывается публично, но зато очевидно на разного рода «междусобойчиках» аналитиков. Особенно во время кофе-брейков.

Как много воды утекло с тех пор... Нет больше Аслана Масхадова. Замоккли разговоры о переговорах. А Россия с удовольствием готова получать немалые суммы от Совета Европы на гуманитарные цели на Северном Кавказе.

А еще произошли взрывы в Мадриде в 2004 г., в Лондоне в 2005-м, в том же году случилось восстание во Франции. Прямого отношения к Чечне это не имело. Но Москва всегда получала дополнительный шанс ухмыльнуться — дескать, занимайтесь лучше собственными делами.

К тому же Москва готова участвовать в увлекательной пока не завершившейся и имеющей неясные перспективы антиамериканской фронде европейцев по поводу Ирака.

А Чечня тем временем оказалась неслабой «картой» в российско-американских отношениях. Пользуясь выражением преферансистов, вистуя при иракской игре Вашингтона, Россия набирает требуемое количество взяток, что устраивает обоих партнеров. Отдадим должное Путину: взяв с собой в сентябре в Нью-Йорк Кадырова, он сразу расставил точки над «i», проде-

монстрировав Бушу, что понимание им чеченских трудностей есть условие российского сочувствия американским бедам в Ираке. В Белом доме морщатся. Представитель Государственного департамента Ричард Баучер заметил, что ни предвыборный «политический процесс» (если это можно назвать «процессом». — А. М.), ни сами чеченские выборы «не оправдали возлагавшихся на них надежд в плане обеспечения демократического результата». Тем не менее взаимопонимание в Кэмп-Дэвиде, несмотря на отсутствие Кадырова на самих переговорах, едкие вопросы к членам российской делегации и демонстрацию фильмов о чеченской трагедии, по-видимому, состоялось. Иного и быть не могло.

Тем более что в Ираке, в Афганистане, на Ближнем Востоке, да и вообще в мусульманском мире США собственными силами, похоже, не обойтись. Вставать же в позу изоляционизма, на что иногда намекают вашингтонские аналитики, пока рановато, да и вряд ли возможно даже после ожидаемой победы республиканцев на следующих выборах (кстати, в случае возврата к власти демократов чеченский вопрос может осложнить и без того непростые российско-американские отношения).

Наконец, не будем забывать о партнерстве в борьбе с («исламским») терроризмом. Сотрудничество с США в борьбе с ним стало для Москвы выгодным товаром, который хорошо продается и цена на который растет. Насколько оно виртуально, а насколько реально, покажет время. Пока ясно одно: терроризм действительно становится, уже стал «актором» мирового политического процесса.

И последнее. Чеченские обстоятельства влияют на отношения России не только с еврохристианским миром. Есть еще и исламская умма. В этой связи отсутствие на выборах 5 октября представителей ОБСЕ оттенило присутствие там делегатов от Организации «Исламская конференция» (ОИК), куда России всерьез собирается вступать, а также Лиги арабских государств (ЛАГ). «Оиковцы» и «клавовцы» вели себя настолько корректно, что можно было подумать, что они присутствовали на триумфе демократии в чеченской части мусульманского мира. За что ОИК и ЛАГ удостоились публичной благодарности от российского президента. Это лишний раз подтвердило внешнеполитический успех путинской политики и заодно подчеркнуло обоснованность былой раздраженности чеченских сепаратистов на отсутствие полноценной международной исламской солидарности.

Существует мнение, что одна из причин желания России вступить в ОИК — стремление Кремля устранить в отношениях с мусульманским миром «чеченскую помеху». Во время октябрьской встречи в Куала-Лумпуре с главами государств и правительств ОИК Путин повторил свой американский маневр, включив в состав российской делегации Кадырова, что не вызвало негативной реакции у его мусульманских собеседников. Так что победа одержана и на этом направлении.

В Кремле, конечно, довольны и собственно итогами выборов, и тем, как они были восприняты большинством в самой России. Имевшие место негативные высказывания до и после этого события в Москве воспринимают как некую традиционную дипломатическую рутину. Главное, что по-прежнему никто всерьез не собирается вмешиваться в чеченские дела. А уж Россия сама как-нибудь в этом разберется. Может быть, после выборов своего нового старого президента.

Нового старого президента России избрали в 2004 г. В этом же году пришлось устраивать и выборы следующего президента Чеченской Республики.

Название брифинга, посвященного тому, как они проходили, отражало тогдашнюю ситуацию на Северном Кавказе.

ЧЕЧНЯ: ВЫБОРЫ ПОСРЕДИ ТЕРРОРА

Брифинг Московского Центра Карнеги.

2004 г. Том 6. Выпуск 8—9. Август—сентябрь

Состоявшиеся 29 августа выборы президента Чечни не стали политическим хитом. Их заглушили происшедшие до и после них террористические акты, один из которых — беспрецедентный захват в заложники сотен детей в одной из школ Северной Осетии. Тем не менее нельзя забывать, что долгая вереница трагедий так или иначе имеет жесткую привязку к чеченским выборам.

Между убийством 9 мая Ахмад-хаджи и бесланской трагедией 1 сентября произошли вторжение басаевцев в столицу Ингушетии Назрань 22 июня, бой в Грозном, два взрыва пассажирских самолетов, взрыв возле метро «Рижская» в Москве, ну, и еще, как говорится, по мелочам.

Едва ли ни первым, с кем я встретился, приехав в Чечню, был тот человек, который обещал год назад досрочные выборы.

— Ну, что я говорил?

— А не поторопился? — попытался отшутиться я.

— Тут самое интересное, кто его...

— Ты сам как думаешь?

— У нас разное говорят. Может, те, а может — эти.

К этому туманному высказыванию моего собеседника мы еще вернемся.

Особенности выборов

Первая особенность состоит в том, что они были досрочными. Избранный в октябре 2003 г. президентом перешедший на сторону Москвы муфтий сепаратистов Ахмад Кадыров был взорван 9 мая на трибуне стадиона «Динамо» в Грозном. Чечня замерла. Шок был и в Москве. Заговорили о крахе путинской «чеченизации», о необходимости разработать иной, по-настоящему эффективный курс.

Президент России, как хороший боксер, выдержал удар и не поступился принципами. Новые выборы были назначены немедленно, хотя кое-кто, особенно среди военных, поговаривал, что лучше бы послать в республику «толкового русского генерал-губернатора». Да и в Чечне у такого варианта есть немало сторонников.

Тем временем Кремль оперативно подобрал очередного кандидата, бывшего министра внутренних дел республики Алу Алханова, профессионального милиционера, не замешанного в политике и честно сражавшегося на стороне федералов. Нельзя не вспомнить: на прошлых выборах в Чечне многие возмущались, что Москва отдала предпочтение бывшему сепаратисту, а не кому-то из своих верных сторонников.

За «неполитиком» Алхановым даже не стоит, а возвышается сын Ахмада Кадырова Рамзан, который по достижении политического совершеннолетия рассчитывает сам занять президентское кресло. Кадыров-младший — человек крайне амбициозный, богатый (ему, в частности, принадлежит большинство чеченских бензоколонок), командир целой армии (в августе заявил, что готов послать в Южную Осетию 5 тыс. бойцов). Для многих он — страшная фигура. Рассказы о Рамзани Кадырове похожи на легенды о разбойнике с американского Дикого Запада.

Любопытно. Буквально теми же словами я характеризовал Рамзана и в прошлом брифинге. На этот раз мне также рассказали о сыне Ахмад-хаджи много интересного.

Но пока президентом стал Алханов. Именно стал, поскольку говорить, что он был честно избран, язык не поворачивается. Сценарий был схож с прошлогодним, когда один за другим были устранены реальные конкуренты Кадырова, а последний ежедневно появлялся рядом с Владимиром Путиным, де-

монстрируя поддержку Центра. Это — *вторая* особенность чеченских выборов. «Нам назначили президента», — говорят в Чечне о состоявшемся 29 августа 2004 г. мероприятии.

Отсюда *третья* особенность выборов — апатия потенциальных избирателей. Официальная статистика говорит о 85% проголосовавших из примерно 600 тыс. избирателей. На деле их было куда меньше. В воскресный день Грозный опустел — в прямом смысле слова. Не наблюдалось очередей на избирательных участках и в других городах и станицах. Сколько людей действительно пришли на выборы, остается гадать. Члены избирательных комиссий по секрету говорили о 30, 25 и даже 15%.

К апатии добавлялся страх. И это *четвертая* особенность нынешней кампании. Он зародился с самого момента убийства президента, нарастал под аккомпанемент сражения 22 июня в Ингушетии, вторжения 21 августа боевиков в Грозный (в городе толкуют о самых разных версиях этой трагедии), гибели 24 августа двух гражданских самолетов. 29 августа в ожидании худшего многие просто уехали из Грозного, подальше от избирательных участков. Люди всерьез отнеслись в угрозам боевиков. «Наш президент Масхадов, — было написано на стене дома на бывшей улице Ленина. — Мы уже здесь».

Все это вместе взятое определяет последнюю, *пятую* особенность выборов — огромное количество фальсификаций и подтасовок. Эта тема заслуживает отдельного расследования — прокурорского. Но его не будет. Официально никто не расскажет, как вбрасывались на избирательных участках сотни бюллетеней, как угрожали тем, кто пытался протестовать, как можно было проголосовать по несколько раз.

2003 и 2004 гг.: сходства и различия

Выборы 2004 г. похожи на выборы 2003-го. Но близнецами я бы их все же не назвал. В прошлом году был, если можно так выразиться, кураж: пусть за Кадыровым стоит сама Москва, пусть окончательный исход заранее известен — мы все-таки скажем свое слово, хотя бы тем, что будем срывать и портить плакаты с его изображением, тем, что пойдем голосовать за своего, а не указанного Москвой кандидата. В этом году плакаты никто не срывал, меньше суесть было в избирательных штабах оппонентов Алханова.

Как и на прошлых чеченских (да и всех российских) выборах, власть использовала административный ресурс. «Вы будете возражать, — сказал, выступая на Госсовете Чечни, местным чиновникам один из кандидатов в президенты Абдула Бугаев, — но ведь вы ежедневно проводите совещания по подготовке к выборам, на которых говорите, что если в том или ином районе не будет контрольной цифры, то руководитель местной администрации будет уволен». Возражений против такого обвинения не последовало. «Ведущие социологические службы отказываются изучать рейтинги претендентов», — дипломатично констатировала в канун выборов «Независимая газета».

Уверенная в исходе выборов Москва не требовала стопроцентного результата. Алханов собрал 73% (против кадировских 85%), но в Кремле были бы довольны и более умеренным итогом. В канун выборов некоторые эксперты давали Алханову 55—60%. И этого хватало. Кроме того, возникала возможность похвастаться демократическим имиджем: во всяком случае, Путину было бы что сказать 31 августа на сочинской встрече Шираку и Шрёдеру.

На сей раз местные функционеры решили, что кашу маслом не испортишь. По сведениям наблюдателей от соперников Алханова фавориту подкидывали лишних бюллетеней, что называется, по полной программе. На одном избирательном участке перестарались так, что при подсчете число голосов за главного претендента пришлось несколько сократить.

«Главное — не как голосуют, а как считают». Эта сакраментальная присказка очень подходит к последним выборам, и я бы не рискнул утверждать, что они полностью отражают мнение чеченского общества, точнее, той его части, которая признает свою республику субъектом Российской Федерации.

Положение в республике

Ситуация сейчас крайне тяжелая. По данным государственной грозненской газеты «Столица» в 2003 г. из 585,6 тыс. человек трудоспособного населения было 449,7 тыс. безработных. В 2004 г. лучше не стало. Куда могут обратиться люди, которым не платят? Туда, где будут платить. Кто регулярно (пусть и немного) платит в Чечне — вопрос почти риторический. Почти 80%-ная безработица устойчиво и надежно обеспечивает боевикам требуемое количество кадров. «Туда» идут прежде всего из-за де-

нег, а уж потом по идейным и иным причинам — так считает, пожалуй, большинство чеченцев.

Тем временем исчезают деньги, направляемые Москвой на восстановление республики. Покойный Ахмад-хаджи говорил о 80%, которые остаются в карманах московских и чеченских чиновников, а также в фирмах-посредниках. Символическое совпадение с процентом безработных! Называют и еще более интересную цифру: в промосковских кругах поговаривают, что в 1995—1996 гг. на восстановление Чечни якобы было направлено 2 млрд долл., которые вообще бесследно исчезли (хотя, конечно, такая сумма звучит фантастически).

С огромным трудом доходит до людей компенсация за разрушенные дома. Она составляет 350 тыс. руб. на семью, но и из этой невеликой суммы конкретные адресаты получают далеко не все — как правило, не более 120 тыс.

Общее впечатление от августовской поездки 2004 г. в Чечню было беспросветно-негативное. Но на одно обстоятельство я тогда почти не обратил внимания. Теперь, по прошествии двух лет, о нем следует упомянуть. Из общения с самыми разными людьми возникло ощущение, что в канун гибели президента Кадырова отношение людей у нему стало медленно, очень медленно, но все-таки меняться. Появилось чувство уважения. Позицию многих моих тогдашних собеседников можно было выразить следующим образом: конечно, мы им недовольны, его нам навязали, но, знаешь, он все-таки пытался что-то сделать. И после этих слов следовало: за это его, наверно, и убили.

Для себя я сделал еще один вывод: значит, все-таки можно было что-то сделать. На фоне легкой ностальгии по Ахмад-хаджи мнения о новом президенте были какие-то квелие: «Этот, ну он вообще ни на что не способен».

Алу Алханов пообещал разобраться. Что ж, многое из того, что говорит Алханов, звучит весьма привлекательно. Он обещает создать к 2006 г. 160 тыс. рабочих мест, добиться, чтобы доходы от добываемых в Чечне 2 млн т нефти оставались на месте и шли на восстановление республики, общего увели-

чения федеральных средств с 3,5 млрд руб. до 4,9 млрд в 2005 г. и 5,8 млрд в 2006-м. Он обещает офшорную зону и прямые инвестиции.

Вопрос в том, насколько реальны и выполнимы эти обещания. Офшор в условиях войны абсолютно нереален. Непонятно, каким образом он может быть эффективным и в чисто географическом отношении: Чечня граничит лишь с Грузией и Азербайджаном. При нынешнем разгуле коррупции офшор в конечном счете окажется окном для легализации контрабанды, выручка от которой вряд ли достанется обществу. Невозможны и прямые инвестиции, о чем, кстати, говорит известный бизнесмен и политик Малик Сайдуллаев. Не горят желанием направлять финансовые средства в республику состоятельные представители чеченской диаспоры. *(Да и зачем ей посылать туда деньги, если распорядиться ими будут совсем другие люди. — А. М., 2006 г.)* Чечня вновь останется на бюджетном денежном довольстве, недостаточном и разворовываемом.

Нет абсолютного доверия и к Алу Алханову как к национальному лидеру. Да и сам он говорит о временности своего пребывания у власти, намекая, что готов отказаться от бремени президентской ответственности, передав вскорости власть в молодые руки Рамзана Кадырова. Правда, из опыта нашего государства известно, что нет ничего более постоянного, чем временное. Москве выгодно, чтобы управляемый и «тихий» милиционер Алханов оставался у власти как можно дольше. Грядущее пришествие экспансивного Кадырова-младшего не может не беспокоить Кремль. Сам Кадыров прекрасно понимает собственное значение. Это заметно даже по его поведению на телеэкране, во время его встреч с президентом.

Кремль оказался заложником своей политики «чеченизации» и в каком-то смысле персонально Рамзана. Сдерживать порывы его души может оказаться делом непростым. Назвать улицу в московской новостройке именем его отца недостаточно. А ссориться с ним опасно: верная Рамзану «гвардия» готова встать на защиту своего командира. В «гвардии» этой немало и тех, кто совсем недавно воевал в горах, был прощен и принят на службу покойным Ахмад-хаджи. Для бывших боевиков бывший дудаевский муфтий был гарантией безопасности в стане бывших врагов. После его гибели многие новобранцы всерьез задумались о своем будущем. Есть информация, что несколько сотен бывших боевиков уже вернулись в горы.

Информация эта подтвердилась лишь частично. Кое-кто думал, что уйдет, но Кадыров-младший, заручившись поддержкой Путина, заявил, что, пока он здесь, им ничто не грозит. Тогда же он еще раз пообещал, что «груз 200» из Чечни больше не пойдет. Почти не пойдет. И в общем Рамзан держит слово. Об этом забывают его противники, но очень хорошо и ежеминутно помнят в Кремле.

Перед новым президентом встает дилемма: приручить своего союзника или начать постепенно избавляться от него, за что, кстати, ратуют федералы, которым совершенно не с руки иметь у себя под боком рамзановскую вольницу. Так что, по всей видимости, Чечне предстоит пережить новую интригу, уже непосредственно внутри пророссийской партии.

Здесь я оказался прав. Такая интрига имеет место, а ее финал при кажущейся предсказуемости предугадать все же не так просто.

Перспективы выхода из конфликта

Конечно, прошедшие выборы ни на йоту не приблизили разрешение чеченского конфликта. Наоборот, они стали раздражителем для вооруженной оппозиции, которая сделала все возможное, чтобы еще раз показать, что способна не просто наносить разовые удары, но и вести настоящие военные действия. После нападений на Назрань и Грозный, унесших жизни двух сотен человек, говорить о скором победном окончании войны нелепо. Впрочем, в высоких кабинетах подобные благоглупости уже почти перестали звучать.

Признаюсь, здесь я «пересолил». Боевые действия происходят спорадически, уже, конечно, не в былых масштабах. Сократилось и количество боевиков. Теперь на слуху не когда-то «вечные» 2 тыс., но уже что-то в пределах тысячи. Да и воюет эта публика в самой Чечне «с опаской».

Москва оказалась неспособна удержать чеченский конфликт в рамках самой республики. За последние месяцы он все более становился северокавказским. Рейд в Ингушетию, спорадические вспышки в Дагестане, столкновение в Кабардино-Балкарии и, наконец, захват заложников в школе осетинского Беслана дестабилизируют весь регион и чреваты непредсказуемыми

последствиями. Если будет доказано, что в последнем теракте принимали участие члены Ингушского джамаата, то рано или поздно это может спровоцировать новый виток конфликта между ингушами и осетинами, повторение кровавых событий 1992 г.

Ситуация выглядит еще более сложной с учетом кризиса вокруг Южной Осетии, который хотя и отошел в тень на фоне серии последних терактов, но остался не разрешенным. Происходящее в Беслане всколыхнуло всех осетин: и тех, кто в России, и тех, кто в Грузии. Общеосетинская солидарность отражается на позиции России в ее отношениях с Грузией.

Складывается впечатление, что в Москве до сих не понимают или не хотят понимать, что чеченский кризис помимо всего прочего остается опаснейшей для страны миной, способной в любую минуту взорвать весь российский юг и к тому же осложнить отношения с соседями. Власть упорно не желает соотносить теракты с прошедшими в Чечне выборами, которые сразу были объявлены чуть ли не триумфом. Сценарий широкой дестабилизации выглядит реальным, как никогда за последние годы. «России объявлена война», — заявляет министр обороны Сергей Иванов. Эмоциональность его риторики более чем убедительна. Но вряд ли он и его коллеги по правительству и президентской администрации готовы признать, что эта война в значительной степени есть следствие непродуманной политики российской правящей элиты, почему-то полагававшей, что «чеченизация» обязательно приведет к постепенному затуханию конфликта и выжмет его на периферию внутренней и внешней политики.

Чечня перестала быть удобным и безопасным инструментом политтехнологии (напомню о популярной в 1994 и 1999 гг. идее «маленькой победоносной войны»), способной поднять рейтинг первого и второго президентов). Ситуация внутри и вокруг республики уже не добавляет популярности президенту, который по некоторым признакам даже не всегда имеет адекватную информацию о происходящем. Вспомнить хотя бы знаменитое путинское изумление увиденной с вертолета панорамой грозненских руин.

Короля играет свита. Король же пока растерян. А свита любит играть сильного и победоносного правителя. Конечно, Путин силен, и его рейтинг даже после Беслана составляет 66%. Но! Но ниже (60%) он был только после гибели «Курска». Так что, пожалуй, это уже второй звонок.

Пусть себе звонят. Дозвониться в Москву теперь можно только из Вашингтона, ну, из Берлина. Да и то не всегда.

Постоянство сотрясающих Россию террористических акций оказалось для российского истеблишмента неожиданностью. Профессионализм спецслужб, из которых глава государства ведет свое происхождение, поставлен под сомнение. Складывается ощущение, что ситуация почти вышла из-под контроля Центра.

При захвате заложников в Беслане первым крупного успеха — спасения 26 заложников — добился опальный генерал Руслан Аушев, отправленный в отставку Путиным в 2001 г. Готовность стать посредником в переговорах выразил президент мятежной Ичкерии Аслан Масхадов. Это может оказать неожиданное влияние на развитие чеченского конфликта.

Тут тоже необходимы поправки. Кстати, они были сделаны в следующем брифинге. Уже тогда, в 2004 г., было очевидно, что ситуация на Северном Кавказе развивалась, так сказать, «помимо Чечни». В каждой республике сложились и развиваются собственные центры и векторы напряженности, в том числе такие (например, в Карачаево-Черкесии), которые непосредственно с Чечней не связаны. Влияние Чечни безусловно присутствует, но все же не является определяющим, на что фактически указывает поступивший в Кремль весной 2005 г. доклад представителя президента в Южном федеральном округе Дмитрия Козака.

Именно в то время в Кремле признали, что в Дагестане идет «подземная война». Заметим, что тогда еще не случился Нальчик.

Все это дает основания говорить о негативном влиянии на Чечню общей ситуации в Северокавказском регионе, для которой характерна слабость местной, а главное, федеральной власти.

Есть мнение, что к началу 2006 г. ситуация на Северном Кавказе все же стабилизировалась. Хочется верить, что так и есть на самом деле. Но, с другой стороны, мы столько раз ошибались...

Международный аспект

Становится модным сравнивать Россию с Израилем и даже ставить последний в пример. Но израильтяне обрели свой опыт борьбы с террором (замечу, отнюдь не безупречный) за десятилетия. У России такого громадного времени нет.

В Кремле всегда стремились использовать борьбу против терроризма как повод для сближения с Западом. Особенно наглядно это выглядело сразу после 11 сентября 2001 г. Терроризм служил оправданием многочисленных нарушений в Чечне прав человека российскими силовыми структурами, что систематически критикуется в Европе и США. Нынешние теракты — не исключение. Москва даже добилась созыва Совета Безопасности ООН, на котором была принята резолюция в ее поддержку. Российский представитель настаивал, что его страна превратилась в одну из главных мишеней террористов, причем именно международных террористов.

Ответственность за взрыв двух самолетов и теракт возле станции метро «Рижская» взяла на себя входящая в сеть «аль-Каиды» организация «Бригады Исламбули». Но это очень небольшая группировка, без сотрудничества с местными экстремистами она ни на что серьезное не способна. Некоторые эксперты даже полагают, что признание «исламбулистов» было написано «в другом месте». А спустя несколько дней на сайте «Кавказ-Центр» появилось заявление Шамиля Басаева, что последние теракты дело его рук. И тоже пошли слухи, что это не совсем так. Но в принципе, так ли уж важно, кто это совершил? Главное — совершили.

Удастся ли России полностью переквалифицировать в глазах Запада чеченскую войну в борьбу против международного терроризма, покажет время. Хотя в этом направлении кое-что уже сделано. Во всяком случае, на сочинской встрече Путина с президентом Шираком и канцлером Шрёдером проблема прав человека не поднималась. К тому же Франция (очень кстати для Москвы) сама оказалась мишенью исламских террористов, угрожавших казнить взятых ими в Ираке двух заложников, если французы утвердят закон, запрещающий государственным служащим носить религиозную символику (читай: мусульманкам — головной платок).

Принятие на Западе «террористической версии» чеченского конфликта может в какой-то степени снизить возможное давление на Россию со сто-

роны США в случае победы на президентских выборах Джона Керри: демократы куда больше республиканцев озабочены правами и свободами человека.

С другой стороны, надо признать, что, несмотря на внутренние корни терроризма в России, его адепты и в самом деле все более ощущают свою привязанность к глобальным политическим процессам, вписываясь в контекст противостояния на Ближнем Востоке, в Ираке, Афганистане, да и не только там. Среди радикально настроенных мусульман на Северном Кавказе усиливается самоидентификация в качестве участников мирового джихада. Как бы то ни было, они составляют часть нарастающей активности религиозного экстремизма. Не бен Ладен отдал приказ о взятии в заложники детей, но кошмар в Беслане и отпиливаемая голова непальского заложника — явления одного порядка.

Чеченские выборы были не просто выборами. Они должны были стать символом правоты избранного Москвой курса, залогом успехов, сулящих грядущую Победу. Но не стали.

Для боевиков они были поводом, чтобы продемонстрировать свою силу и превосходство над противником. Похоже, добиться этой цели им удалось.

На этой пессимистической ноте завершился брифинг о выборах 2004 г. И опять-таки должен признать, что сделанные в нем выводы, хотя в целом и справедливые, тем не менее сегодня звучат излишне категорично.

Косвенное свидетельство тому — резкий диссонанс между названиями старого брифинга («...Выборы посреди террора») и нового, последнего. Я решил сесть за него заранее...

ГЛАВНЫЙ ИТОГ ЧЕЧЕНСКИХ ВЫБОРОВ: ДВЕ ВЕРТИКАЛИ ВЛАСТИ

Брифинг Московского Центра Карнеги.
2005 г. Выпуск 11. Том 7. Декабрь

Этот материал готовился в два приема. Первая часть писалась до выборов. В ней сделана попытка определить, какие задачи ставились на выборах Кремлем, чего ожидало от них чеченское общество. Вторая часть — о том, что произошло на самом деле.

Мне довелось присутствовать на всех президентских выборах — Аслана Масхадова в 1997 г., Ахмад-хаджи Кадырова в 2003 г., Алу Алханова в 2004 г. В двух последних случаях они были чистой формальностью. На этот раз я летел в Чечню с чуть бóльшим оптимизмом.

До выборов

Во-первых, выборы были необходимы Кремлю для легитимации нынешнего режима. Они были призваны стать кульминацией провозглашенной Путиным несколько лет назад политики «чеченизации». Хотя с ее помощью и не удалось положить конец войне и совершить «прорыв» на пути восстановления республики, ситуация тем не менее претерпела изменения. Сепаратисты (это определение себя изжило, поскольку не верится, что прагматик Басаев все еще надеется создать независимую Ичкерия) более не в состоянии вести регулярные боевые действия. В Чеченской Республике сформировался режим, который худо-бедно «держит ситуацию» (какими методами — отдельный вопрос).

Пообещав в начале своей карьеры «мочить боевиков в сортире», Путин оказался готов не просто сотрудничать с «муджахедами-ренегатами», но фактически возвысил их над теми, кто всегда оставался лояльным Москве. Избранный в 2003 г. Ахмад-хаджи Кадыров — дудаевский муфтий. А кто считал бывших боевиков в окружении его сына, вице-премьера Рамзана Кадырова! Москва поступила цинично: договариваемся с «этими», а те, которые «наши», и так никуда не денутся.

Такой расчет как будто оправдался. Кадыров-младший, несмотря на то что он, мягко говоря, не пользуется безоговорочной симпатией в чеченском обществе, выглядит в глазах Кремля лидером. Правда, по результатам проведенного ВЦИОМом в октябре 2005 г. опроса, с тем, что ситуацию контролируют именно Рамзан и его команда, согласны 13% россиян, 12% считают, что ее контролируют боевики, 17% — что федеральные власти, 25% — что избранный в 2004 г. президентом Алу Алханов. 26% уверены, что никто (еще 12% вообще не знают, что там происходит).

Бытует мнение, что Кадыров-младший — всего лишь пешка, максимум — «слон» в руках Путина, коим последний может свободно манипулировать на чеченской шахматной доске. Да, Кадыров-сын может чувствовать себя комфортно только под портретом президента. Но и «комфортность» в Чечне путинского курса возможна только при поддержке его Кадыровым, в распоряжении которого целая армия, хорошо вооруженная и имеющая богатый опыт военных операций. Чеченский вице-премьер это прекрасно понимает. Отсюда экстравагантность его поведения, граничащая порой с прямым вызовом Москве. Чего стоит проект договора о распределении полномочий между Чечней и федеральным Центром, о котором и в Москве, и в Чечне говорят, что сам Дудаев не мог и мечтать о таком. *(Это мы уже проходили, когда президентом стал Ахмад-хаджи. — А. М., 2006 г.)* Или, например, его заявление о готовности послать несколько тысяч своих бойцов для поддержки Южной Осетии.

Нужна ли лично Рамзану легитимация? Безусловно. Выборы, после которых большинство мест займут его сторонники, сделают режим респектабельнее. В Чечне были уверены: кого Рамзан захочет, того и «запишут в депутаты». В канун выборов некоторые не договорившиеся с Кадыровым кандидаты, опасаясь за свою судьбу, отказывались от участия в выборах. Так поступил, например, бывший председатель Госсовета Таус Джабраилов, последнее время неожиданно резко критиковавший проводимый в Чечне курс.

Высказывались и так: изберут того, кого назначит Москва. А Москва назначит того, на кого укажет Кадыров. По данным социологов Левада-Центра, только 11% россиян считали, что эти выборы пройдут честно.

Кроме одномандатников, кандидаты шли по партийным спискам. По результатам наблюдений Института социального маркетинга, в канун выборов 47% чеченцев были склонны отдать голоса «Единой России», 17% — коммунистам...

Даже будучи в значительной степени формальностью, принадлежность местных парламентариев к общероссийским структурам в какой-то степени делает их менее уязвимыми перед местным начальством. Была надежда, что они сумеют защитить интересы или хотя бы высказаться в пользу того или иного района, группы влияния, клана, в конце концов. Лично я не вижу ничего постыдного и обидного в понятии «клан», который является одной из форм организации общества и по мере сил обеспечивает благополучие, а главное, безопасность своих членов. Кандидат от Союза правых сил Тимур Мурзаев считал, что парламент должны формировать не партии, а личности, ответственные перед избирателями. В общем, пользуясь словами редактора газеты «Чеченское общество» Тимура Алиева, «парламент нам (Чечне) нужен».

Было нечто символичное в том, что в канун выборов некоторые чеченские интеллектуалы вновь вспомнили о компактном, состоявшем из 21—25 членов традиционном чеченском протопарламенте — Мекх-Кхеле, уничтоженном в 1847 г. В нынешнем парламенте — 61 место.

Во-вторых, выборы были призваны, насколько возможно, убедить Запад, что урегулирование конфликта и стабилизация в Чечне идут полным ходом. Президент Алу Алханов, побывав в октябре в Брюсселе, остался доволен тем, что вопрос о переговорах с сепаратистами не поднимался. Рассуждающий о создании общекавказского фронта преемник Масхадова Абдул Халим Сайдуллаев — не переговорщик. Но разве продолжающееся вовлечение бывших боевиков в политический процесс не выглядит альтернативой переговорам с непримиримыми? Только состоялась она в кремлевском формате. И исполнена в византийском стиле. Впрочем, иного не следовало и ожидать.

Тем временем число боевиков, по заявлениям чеченских политиков, за последний год уменьшилось. Вместо привычных 2 тыс. теперь чаще упомина-

ется 700—1000. Сократилось, возможно, на две трети, их внешнее финансирование.

Произнесенные в Брюсселе Алу Алхановым слова об участии недавних боевиков в парламентских выборах были призваны уверить европейцев, что Москва на правильном пути. Эти слова были услышаны. Конечно, вряд ли Великобритания пойдет на выдачу Москве одной из самых трагических фигур чеченской драмы Ахмеда Закаева, но то, что он становится безработным политиком, — очевидно.

На выборах Кадырова-старшего и Алханова чеченцы жаловались, что их «бросили», что европейцам плевать на их судьбу. На парламентские выборы 2005 г. собирались два посла — Великобритании Тони Брентон и Австрии Мартин Вукович. Намеревалась приехать и приехала компактная «неофициальная» делегация Парламентской ассамблеи Совета Европы. Больше обычного было и журналистов. Председатель избиркома Чечни Исмаил Байханов назвал их число «огромным».

Присутствие иностранцев — дополнительный раздражитель для организаторов кампании. Откровеннее всего на сей счет высказался гость из Москвы Сергей Бабурин, заявивший, что главные враги чеченских выборов — бандиты и наблюдатели. Однако иностранное присутствие всегда можно интерпретировать как косвенное признание успешности официальной политики в Чечне.

Кроме того, нужно доказать, что направляемые в Чечню средства (9 млн евро от Совета Европы, 5 млн франков из Швейцарии, 3—4 млн евро ежегодно из Норвегии) попадают в надежные руки, в республику, где не только воюют друг с другом «абреки» и федералы, но и существуют самые настоящие избирательные урны и действуют самые настоящие политические партии.

В-третьих, выборы призваны еще раз показать всему северокавказскому региону, что вертикаль власти будет выстроена во что бы то ни стало, даже там, где ее строительство отягощено войной.

То, что общая ситуация на Северном Кавказе и положение дел в Чечне взаимосвязаны, — трюизм. Однако в последние три года акценты смещаются. Сегодня именно состояние в регионе усиливает кризисные тенденции в Чеч-

не. «Подземная война» в Дагестане, вооруженное столкновение в Нальчике, напряженность в Карачаево-Черкесии делают Чечню еще более уязвимой. По большому счету никто всерьез не верит, что за всей этой смутой стоят ведомые «аль-Каидой» муджахеды. Трагедия в Нальчике стала результатом провальной политики местной администрации, особенно силовиков, которые на протяжении долгих лет вызывают раздражение, даже ненависть у населения. Никак не связаны с «ваххабизмом» конфликт в Карачаево-Черкесии, растущая напряженность в Адыгее, где милиция с упорством, достойным лучшего применения, наступает на «кабардино-балкарские грабли». Общее положение в регионе демонстрирует слабость центральной власти, местных администраций, вызывает недоверие к проводимому курсу. И эти настроения рикошетом отдаются в Чечне.

В 2004 г. на Северном Кавказе было 94 теракта. По мнению полпреда президента в Южном федеральном округе Дмитрия Козака, в регионе существует 14 тыс. потенциально опасных объектов для терактов. Я бы добавил, что потенциально опасен весь Северный Кавказ, а в каком-то смысле и остальная Россия. По данным опросов, проведенных Фондом «Общественное мнение», в 2004 г. после теракта на Дубровке 67% населения страны считали, что следующий теракт случится в их населенном пункте, а после Беслана так думали 59% россиян (в Москве — 82%, в С.-Петербурге — 70%).

Козак называет «три К», три поразившие Кавказ зла: коррупция, клановость, казнокрадство. Теневая экономика региона составляет 50% всей его экономики. В Чечне — намного больше. Еще хуже обстоит дело с коррупцией, паразитирующей на восстановлении республики. Покойный Ахмад-хаджи Кадыров говаривал, что разворовывается до 80% направляемых в Чечню средств, причем большая часть денег исчезает уже в Москве. С той поры в республике мало что изменилось.

После выборов

27 ноября выборы состоялись. По сути они были отданы на откуп главному обладателю местного административного ресурса — вице-премьеру Рамзану Кадырову, который претендует на титул удельного князя. Свидетельством кадыровского «абсолютизма» стали заполонившие местный эфир телерепортажи: Кадыров строит дом вдове, Кадыров открывает больницу, Кадыров

(на чеченском языке) обсуждает вопросы безопасности с командующим Кавказским военным округом, Кадыров держат на руках племянников, заталкивающих в урну бюллетени. По федеральным каналам прошли впечатляющие кадры с Кадыровым, исполняющего громкий зикр (что, заметим, разозлило российского обывателя, вызвав у него ассоциации с дудаевской эпохой). Портреты рыжебородого вождя в разных видах развешаны по стенам домов. Приди молодому вице-премьеру в голову написать свою «Малую землю», ее обязательно бы рекомендовали к изучению в школах. *(Стал же он в январе 2006 г. академиком аж Российской академии естественных наук. — А. М., 2006 г.)*

На фоне сына первого президента Чечни второй ее президент выглядел статистом, точнее, вообще никак не выглядел. Даже звонок ему Владимира Путина в связи с завершением выборов сопровождался просьбой передать Рамзану поздравление с рождением сына.

Чиновники из районных администраций в открытую говорили о спущенной сверху «процентовке», не стеснялись манипулировать голосами, решая, кому сколько приписать, а от кого «отписать». Причем указания раздавалась не только относительно одномандатников, но также представителей федеральных партий. И все же гулявшая в те дни в Красноярске «Единая Россия» могла не беспокоиться — чеченским медвежатам победа была обеспечена.

Однако... Однако все познается в сравнении. И если в 2004 г. президента Алу Алханова не избирали, а просто назначили, а избирательные участки стояли пустые, то 27 ноября ситуация все-таки была иной. Люди пришли на выборы. И 70% (даже если кое-что и приписали) участвовавших — это звучит достаточно правдоподобно. А они считались бы состоявшимися и при 25%-ной явке.

Несмотря на всеподавляющий административный ресурс, было в этих выборах что-то этакое, как бы демократическое. Что я имею в виду? Во-первых, был соблюден партийный плюрализм: коммунисты и Союз правых сил получили по кусочку, собрав первые 12,2%, а вторые 12,4% голосов. В рамках России о таком успехе СПС не смеет даже мечтать. В новый парламент прошли и депутаты парламента Чеченской республики Ичкерия, и бывшие боевики. Немного, конечно, но все же... А у людей оставалась надежда хотя бы на частичную честность выборов. И потому вновь активно заработали шта-

бы кандидатов, а сами кандидаты носились на машинах — кто с охраной, а кто и без — по своим избирательным участкам. Пусть вера в успех была незначительной, но она была. Даже у меня. Так или иначе, есть чем похвастаться перед иностранными гостями. Гости, конечно, жаловались, что якобы по соображениям безопасности их никуда не пускали без надлежащего сопровождения.

Зато безопасность на сей раз превзошла все ожидания. Чем чеченские власти в самом деле могут похвастаться, так это молчанием боевиков. Люди Басаева были выключены из игры. Это можно объяснить и усилиями силовиков, взявших под вооруженную охрану 70% избирательных участков, и тем, что, по словам чеченцев, «они» (т. е. Кадыров и вооруженная оппозиция) «договорились». И тем, что «не те нынче пошли боевики».

Последнее объяснение можно трактовать по-разному: с одной стороны, как слабость муджахедов, с другой — как их переориентацию на общекавказские дела. Недаром Абдул Халим Сайдуллаев чаще говорит о едином кавказском фронте, а некоторые специалисты предполагают образование в регионе ячеек «аль-Каиды», «Абу Сайяфа», «Братьев-мусульман» и прочих международных экстремистских организаций. Впрочем, Басаев взял реванш спустя два дня после выборов, совершив сразу две массированные атаки. Но это выглядело как бы «остроумием на лестнице».

А пока прошло уже больше года, а Абдул Халим Сайдуллаев, вопреки предсказаниям многих, так и не заявил о себе в полной мере. Порой начинает казаться, что «феномен Абдул Халима» — некая мистификация. Так или иначе, но новому персонажу чеченской и северокавказской драмы придется доказывать свою способность влиять на политическую и религиозную ситуацию.

Окончательные итоги голосования в Чечне подводить непросто, ибо все самое интересное еще впереди. Избранный 27 ноября парламент — кадыровский. Он представляет собой, так сказать, местную вертикаль власть. И вертикаль эта очень вертикальна. Все местные группировки, еще совсем недавно рассчитывавшие, что могут поспорить с вице-премьером, отступили. Сегодня только ленивый публичный политик не заявляет о своей лояльности Рамзану. Но за клятвами верности легко угадывается неудовлетворенность собственных амбиций, а то и просто острое желание поквитаться

при случае с любимчиком российского президента. Многие предпочли бы иметь дело непосредственно с Кремлем, минуя опасного и непредсказуемого посредника в лице лихого вице-премьера.

К тому же избранные по партийным спискам депутаты *volens nolens* должны быть лояльны «Единой России» (прежде всего), КПРФ и СПС. И нельзя исключать, что рано или поздно партийные интересы придут в противоречие с интересами республиканской администрации. Подобное может случиться при обсуждении договора о разграничении полномочий между Центром и Грозным. В Чечне, да и в Москве можно услышать разговоры о том, что, почувствовав силу после парламентских выборов, Кадыров потребует для Чечни еще большей самостоятельности и станет шантажировать Москву своими притязаниями.

И здесь внутрипартийная солидарность может оказаться весомее страха перед всемогущим Рамзаном и стать сдерживающим фактором для его устремлений. Федеральная власть, в свою очередь, обрела важный легитимный рычаг давления на местную исполнительную власть, которым она может воспользоваться. Уместно привести слова присутствовавшего на выборах главы миссии ПАСЕ Андреаса Гросса, отметившего, что «...Кремль не должен передоверять многие из своих полномочий Рамзану Кадырову, поскольку это дискредитирует коренные интересы российского общества... Что будет на руку группировкам исламских фундаменталистов и террористов». В Москве есть люди, которые обеспокоены тем же. Вот почему произошедшая спустя два дня после выборов замена главы регионального отделения «Единой России» (вместо Франца Клинецевича им стал Руслан Ямадаев) выглядит как явный намек на тактичное сдерживания кадыровских амбиций. О трениях между кадыровской и ямадаевской группами хорошо известно.

Чечня успешнее будет встраиваться в общероссийскую политическую жизнь через пришедшие сюда партии федерального уровня. Отметим, что в Чеченской Республике 450 членов СПС, 2,5 тыс. коммунистов и аж 22 тыс. единороссов. Обольщаться таким количеством партийцев, конечно, не следует, но тем не менее они могут считаться пусть и неоднозначным, но все же федеральным резервом.

Словом, местная вертикаль власти может совпадать с федеральной вертикалью, а может и не совпадать.

В Чеченской Республике помимо войны между правящим режимом и боевиками сформировалась еще одна ось противостояния — между режимом и лояльными Москве, но антикадыровскими силами, составляющими значительную, скорее всего, большую часть общества. Вряд ли в российской столице об этом не догадываются. Оставление Чечни на откуп кадыровскому клану чревато непредсказуемыми событиями. Самые отчаянные противники Рамзана говорят, что отпор кадыровцам может обернуться третьей чеченской войной.

Думаю, что вконец измученное войной чеченское общество к такому повороту не готово. Люди хотят мира. Но мир и покой для них — уже не только и даже не столько окончание антитеррористической операции, сколько защита от произвола местной власти. И если этот произвол не будет ограничен Москвой, противодействие ему может принять самые жесткие формы.

В этой ситуации особенно важно, чтобы именно парламент стал не просто клапаном, выпускающим пар общественного недовольства, но местом, где в спорах будет складываться очень непростое, но пронзительно необходимое Чечне согласие.

Рамзан Кадыров очень молод, смело (и безответственно) смотрит в будущее, зная, что вскоре займет обещанный ему пост президента. Но он слишком полагается на неформальное общение с российским президентом. Однако все течет и все изменяется. После 2008 г., когда его главный покровитель, вероятно, покинет свое кресло, судьба «вассала» может круто измениться. Да и кто знает, как сложится его жизнь до главных выборов России...

К последнему брифингу можно добавить мало комментариев — он еще слишком «свежий». Зато кое-какие заключения в связи с тем, что произошло после выборов, сделать можно.

Вывод первый: политика чеченизации все же принесла свои плоды. Война в Чечне действительно оправдывает название антитеррористической операции. Поставленный у власти кадыровский клан — Ахмад-хаджи Кадыров и его сын Рамзан — сумели договориться с боевиками, поверившими в амнистию, частью которой стало их активное участие во власти.

Нынешняя правящая элита состоит в основном из бывших сепаратистов, которые осознали бесперспективность своей борьбы. В немалой степени этому способствовало распространение среди экстремистски настроенной части муджахедов ваххабитской идеологии, не совместимой с традиционным чеченским исламом. Бывший муфтий Ахмад-хаджи Кадыров на дух не переносил «ваххабизм».

Вывод второй: *полностью положившись на кадыровский клан, который ныне олицетворяется сыном Ахмад-хаджи Рамзаном, Кремль фактически оказался его заложником. Похоже, президент Путин не может не понимать этого обстоятельства и, очевидно, пытается изменить ситуацию. Его блиц-визит 12 декабря 2005 г. в Чечню был призван продемонстрировать не только (а наверное, и не столько) нежную дружбу с Рамзаном. Президент тогда несколько раз подчеркивал важность избранного в Чечне парламента, он обвинил кадыровскую милицию (в числе прочих) в похищении людей. Как известно, это одна из самых острых и болезненных проблем чеченского общества. Наконец, в демонстрировавшихся по федеральным телеканалам кадрах Рамзан сидел по левую руку от главы государства, а законный президент республики Алу Алханов — по правую (на то, кто сидит по правую, а кто по левую руку президента, всегда обращают внимание российские мусульмане).*

Некоторыми своими действиями, например, разговорами о перекройки границ на Северном Кавказе, Кадыров-младший не просто дискредитирует российского президента, но и создает напряженность не только в республике, но и во всем регионе. Так что главному претенденту на пост президента Чечни все же придется сдерживать души прекрасные (и не очень) порывы и слушаться старших.

Рамзану с этим придется смириться. В Чечне уже создана Комиссия по контролю за расследованиями похищений граждан. Возглавил ее преданный Кадырову человек, спикер парламента Дукваха Абдурахманов. Не следует ждать от этой комиссии громких результатов. Скорее всего, главный упор будет сделан на преступлениях федералов. Но тем не менее я уверен, что Кадырову придется «сдать» и кого-то из своих, что послужит предупреждением для особо зарвавшихся.

Вывод третий: несмотря на внешнюю стабильность в Чеченской Республике, ситуация здесь остается весьма и весьма сложной. Ось напряженности переместилась с противостояния между сторонниками Москвы и сепаратистами на противоречия между сторонниками и противниками Рамзана Кадырова, которых в Чечне скорее всего большинство.

Как еще в 2002 г. писал чеченский аналитик Муса Баснукаев, «структуры гражданского общества в Чечне оказались не востребованы» (Баснукаев М. Общественно-политические реалии постсоветской Чечни // Центр. Азия и Кавказ. — 2002. — № 1 (19). — С. 134). С той поры положение не изменилось, а «ненужность» гражданского общества в условиях длительного конфликта поневоле порождает протест. Пока этот протест развивается в латентных формах, но не будем забывать, что речь идет о Чечне, в которой к тому же сохраняются и традиционные формы и рычаги организации социума. Один мягкий, интеллигентный человек, рассказывая о кадыровском клане, вдруг заявил: «Их крови не хватит, чтобы заплатить за свои преступления».

Очевидно, рано или поздно Москве придется выступить в роли медиатора между ее союзниками. Да, кстати, она это уже и так делает. Во всяком случае, благодаря ее усилиям в чеченском парламенте представлены различные группы интересов.

Вывод четвертый: несмотря на то, что идея переговоров с оппозицией фактически иссякла, чеченская тема остается раздражающим фактором в отношениях между Москвой и Европой. В январе 2006 г. в Парламентской ассамблее Совета Европы был заслушан доклад о нарушениях прав человека в Чечне. Любопытно, что почти параллельно там же и тогда же был представлен другой доклад, посвященный преступлениям тоталитарных режимов, в то числе коммунистических.

И наконец, главное: что дальше? Здесь возможны три сценария.

1. Положение постепенно улучшается. Молодой Кадыров сдерживает свой пыл, действует осмотрительнее, и в Чечне начнет склады-

ваться широкий консенсус, включающий кадировцев, все новых выходящих из леса боевиков и, самое главное, большинство общества, которое пока боится и тех и других.

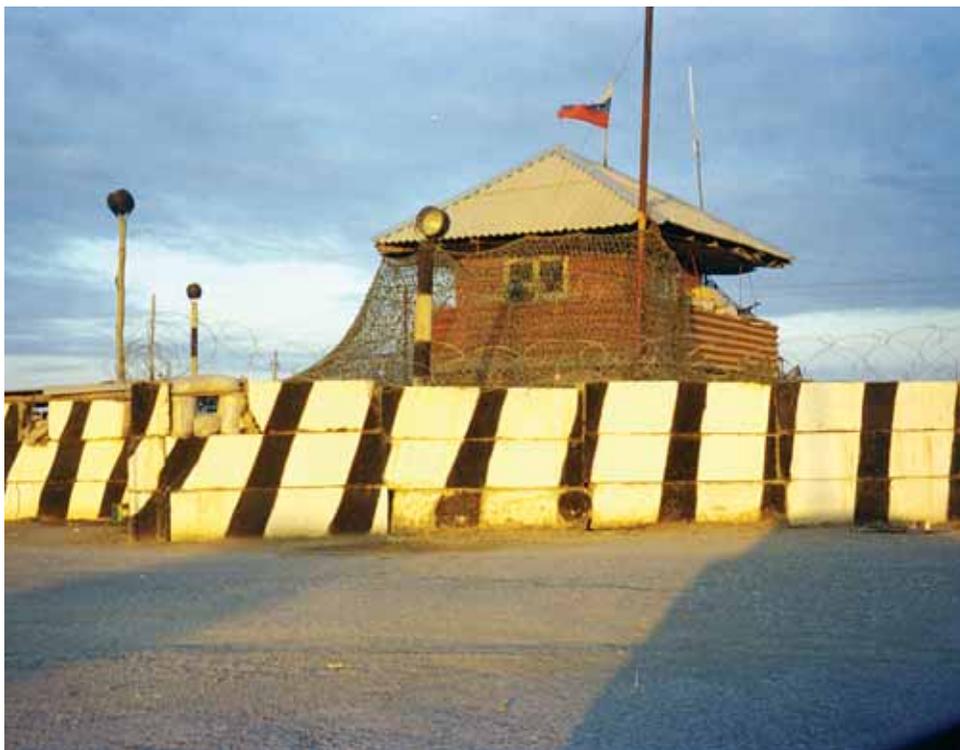
2. Ничего не меняется, раздражение против кадировского клана нарастает и приводит к новому противостоянию, с очевидными элементами гражданской войны. При таком раскладе противники сепаратизма, самые последовательные сторонники единства Чечни и России фактически выступают против Москвы, посадившей им на шею бывших боевиков.

3. По тем или иным причинам Рамзана Кадырова больше нет. В этом случае возможны два, так сказать, «подсценария»:

прямое столкновение кадировцев (на почве мести и корыстных интересов) с их противниками, которое приводит либо к замене правящей группировки (клана) на другую, либо к созданию широкой коалиции;

возвращение в горы боящихся за свою судьбу бывших боевиков и возобновление войны, теперь уже третьей.

Когда в ноябре 2005 г. я покидал Чечню, то на лукавый вопрос: «Скоро ли у вас новые выборы?», получил стереотипный ответ: «Скоро, приезжай опять».

Первый блок-пост на чеченской территории

Рынок

Все еще типичный чеченский пейзаж

Хороший дом в Грозном

Грозный. Вид из здания телевидения

Штаб после выборов во дворе у Бугаева

Кандидат в президенты Абдулла Бугаев на фоне административного ресурса семьи Кадыровых

И все же что-то сдвинулось. *Слева*: 1997 г. — разрушенная православная церковь. *Справа*: 2005 г. — восстановили

Менталитет стирального порошка.

Сепаратисты: Вы еще не за Масхадова? Тогда мы идем к вам!

Спецназ: Ну что, вы еще воюете или взрываете? Тогда мы идем к вам!

Памятник Ахмад-хаджи Кадырову.

Чем дальше от гибели этого человека, тем большее уважение он вызывает. Но злые языки зовут монумент «Ленин в папaxe»

Басаевское предупреждение избирателям 2004 г.

Фонд Карнеги за Международный Мир является неправительственной, внепартийной, некоммерческой организацией со штаб-квартирой в Вашингтоне (США). Фонд был основан в 1910 г. известным предпринимателем и общественным деятелем Эндрю Карнеги для проведения независимых исследований в области международных отношений. Фонд не занимается предоставлением грантов (стипендий) или иных видов финансирования. Деятельность Фонда Карнеги заключается в выполнении намеченных его специалистами программ исследований, организации дискуссий, подготовке и выпуске тематических изданий, информировании широкой общественности по различным вопросам внешней политики и международных отношений.

Сотрудниками Фонда Карнеги за Международный Мир являются эксперты мирового уровня, которые используют свой богатый опыт в различных областях, накопленный ими за годы работы в государственных учреждениях, средствах массовой информации, университетах и научно-исследовательских институтах, международных организациях. Фонд не представляет точку зрения какого-либо правительства, не стоит на какой-либо идеологической или политической платформе, и его сотрудники имеют самые различные позиции и взгляды.

Решение создать Московский Центр Карнеги было принято весной 1992 г. с целью реализации широких перспектив сотрудничества, которые открылись перед научными и общественными кругами США,

России и новых независимых государств после окончания периода «холодной войны». С 1994 г. в рамках программы по России и Евразии, реализуемой одновременно в Вашингтоне и Москве, Центр Карнеги осуществляет широкий спектр общественно-политических и социально-экономических исследований, организует открытые дискуссии, ведет издательскую деятельность.

Основу деятельности Московского Центра Карнеги составляют публикации и циклы семинаров по внутренней и внешней политике России, по проблемам нераспространения ядерных и обычных вооружений, российско-американских отношений, безопасности, гражданского общества, а также политических и экономических преобразований на постсоветском пространстве.

CARNEGIE ENDOWMENT FOR INTERNATIONAL PEACE
1779 Massachusetts Ave., NW, Washington, DC 20036, USA
Tel.: +1 (202) 483-7600; Fax: +1 (202) 483-1840
E-mail: info@CarnegieEndowment.org
<http://www.CarnegieEndowment.org>

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР КАРНЕГИ
Россия, 125009, Москва, Тверская ул., 16/2
Тел.: +7 (495) 935-8904; Факс: +7 (495) 935-8906
E-mail: info@carnegie.ru
<http://www.carnegie.ru>

Алексей Всеволодович Малашенко
КАК ВЫБИРАЛИ В ЧЕЧНЕ

Редактор А. И. Иоффе
Дизайн ЯKrasnovsky
Верстка М. Валюх
Фотографии А. Малашенко
Обработка фотографий С. Митин

Подписано к печати 05.04.06
Формат 60 x 90 1/16. Гарнитура OfficinaSansC.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 3.75
Тираж 1000 экз.

Издательство Р. Элинина (classick@mtu-net.ru),
127562, Москва, проспект Мира, д. 36, стр. 1

Отпечатано с готовых диапозитивов
в типографии «Гриф и К», г. Тула
grif@tula.net
Заказ № 100-04